

Фактический переход СССР к захватническим, агрессивным действиям, свидетельствовавший о сговоре Москвы с Гитлером, разочаровал многих интеллектуалов, симпатизировавших коммунистам. Обострились отношения между КПВ и лейбористами. Вторжение советских войск в Польшу также дало еще один повод для критики политическим оппонентам компартии. Антивоенные лозунги коммунистов, несмотря на тяготы и лишения военного времени, не были популярными среди британцев. Об этом свидетельствовали результаты довыборов 1940 г., на которых коммунисты выставляли своих кандидатов. Представители компартии набрали мизерный процент голосов, таким образом, поддержку избирателей получили кандидаты, разделявшие официальную, провоенную позицию.

События сентября-октября 1939 г. свидетельствуют о степени зависимости КПВ от Коминтерна. Фактически британская компартия приняла решение следовать позиции, одобренной Секретариатом Коминтерна, но принятой без учета мнения КПВ. Большинство лидеров КПВ осознавали, что позиция Коминтерна идет вразрез с внутривнутриполитической ситуацией в Британии, но авторитет Москвы и стремление предотвратить раскол в партии заставил их принять решение о смене линии.

В.В. Василенко

ФЕДЕРАТИВНЫЕ ПЛАНЫ ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЭМИГРАЦИИ И ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СССР (1939 – 1943 гг.)

В настоящее время исследователи все чаще обращаются к сюжетам периода Второй мировой войны. Это обусловлено и значительным расширением источниковой базы, и методологическим плюрализмом. Не менее важен и тот факт, что в свете современных тенденций ряд событий военного времени приобретают особую актуальность. Так, в мае 2004 г. произошло самое крупное расширение в истории Европейского Союза, главным образом за счет стран бывшего соцлагеря; и уже более двух лет самое развитое интеграционное объединение в мире функционирует в новых границах. Осмысливая данный процесс, некоторые западноевропейские исследователи даже обозначили необходимость переоценки вклада стран Центральной и Восточной Европы в развитие федеративных идей¹⁵⁸. В этом контексте привлекают особое внимание федеративные планы польского правительства в эмиграции для послевоенной Европы, которые были разработаны главным образом его первым премьер-министром В. Сикорским. Подготовка к их реализации осуществлялась уже в начале Второй мировой войны и сосредоточилась на ключевом проекте польско-чехословацкой федерации¹⁵⁹. В отечественной историографии этот сюжет практически не представлен, т.к. деятельность этого правительства долгое время не получала специального рассмотрения в нашей стране по идеологическим соображениям¹⁶⁰.

Необходимо рассматривать польские федеративные планы в контексте политики не только СССР, что в основном представлено в литературе, но и Великобритании. Причем основное внимание уделяется британской политике. Такой подход поможет прояснить и специфику развития польско-чехословацкого проекта, и причины неудачи замыслов польского правительства в эмиграции.

Польский премьер на основе уроков политики Польши межвоенных лет и своей оценки расстановки сил в послевоенной Европе был намерен и усилить безопасность польского государства, и одновременно сделать его значимой региональной державой. Он предполагал создать после войны организацию государств в Центральной и Восточной Европе, не исключая в дальнейшем и Юго-Восточную, которая бы не только смогла противостоять влиянию как Германии, так и СССР, но и обеспечила бы преобладающее положение Польши в регионе. Уже на первом заседании Совета министров 6 октября было заявлено о необходимости создании системы государств в Центральной Европе как противовеса Германии и Советскому Союзу¹⁶¹. При этом значение данного объединения подчеркивает тот факт, что В. Сикорский считал его единственной возможностью решить дилемму польской безопасности – весьма уязвимое расположение между Германией и СССР.

При разработке данной концепции вскоре выявилось особое значение Чехословакии. По замыслу польского лидера, в основе союза стран региона должны лежать тесные федеративные отношения Польши и Чехословакии. Обозначенная польским правительством в ходе переговоров с Великобритани-

¹⁵⁸ Lane T. Present at the creation: East Europeans and the European movement // On-line materials of the Fifth Pan-European international relations conference, 9 – 11 September 2004, the Hague. [Электрон. ресурс]. Адрес доступа: www.sgir.org. 25.09.2006.

¹⁵⁹ Польское руководство использовало термин «федерация», а чехословацкое – «конфедерация». Это было обусловлено, прежде всего, разницей в подходах. Мы говорим о «федерации», поскольку в основном рассматриваем польскую концепцию.

¹⁶⁰ Некоторый интерес к данной проблематике наблюдается в середине 1980-х гг., однако в дальнейшем она не получила развития: Серапионова Е.П. Чехословацко-польские отношения и проблема послевоенного сотрудничества (1939 – 1945): Автореф. М., 1985.

¹⁶¹ Coutouvidis J., Reynolds J. Poland 1939 – 1947. Leicester, 1986. P. 32.

ей в середине октября 1939 г. необходимость расширения Польши за счет Германии¹⁶² означала и увеличение промышленного потенциала Польши, и удлинение линии польско-чехословацкой границы. Это должно было способствовать стремлению обоих государств к объединению. Кроме того, обладание удобным выходом к Балтийскому морю должно было обеспечить польскому государству преобладающее положение в федерации¹⁶³.

Однако налаживание отношений между польскими и чехословацкими политическими кругами было непростой задачей, учитывая напряженные отношения двух стран в межвоенный период и особенно захват Польшей Тешинской Силезии в 1938 г. Дело осложнялось пренебрежительным отношением польских политиков к чехословакам, позволившим своей стране капитулировать перед требованиями Гитлера и под давлением западных держав. Такое отношение усугублялось неравенством статуса в эмиграции польских и чехословацких политических сил: польское эмигрантское правительство было признано в этом качестве союзниками, в то время как Чехословацкий национальный комитет Э. Бенеша тогда еще не получил признания в качестве правительства в изгнании, кроме того, существовал конкурирующий центр словацкого политика М. Ходжи. Особая заслуга в налаживании польско-чехословацких отношений в эмиграции принадлежит польскому премьеру. Он при содействии французского посла Л. Ноэля установил непосредственный контакт с Э. Бенешем уже в начале октября. 18 ноября при личной встрече оба политических деятеля впервые высказались за сотрудничество двух стран на основе федерации¹⁶⁴.

Официальные двусторонние переговоры по федеративному проекту начались только через год – осенью 1940 г., уже после того, как было сформировано чехословацкое временное правительство во главе с Э. Бенешем. Вскоре, 11 ноября, стороны обнародовали совместную декларацию о намерении создать после войны совместное объединение.

В конце ноября польско-чехословацкий проект получил официальное одобрение Великобритании, которая после падения Франции стала единственной покровительницей антифашистских правительств оккупированных стран Европы¹⁶⁵.

Необходимо отметить, что британское правительство продемонстрировало собственную заинтересованность в федеративных проектах в Центральной и Восточной Европе в ходе первого визита представителя польского эмигрантского правительства министра иностранных дел А. Залесского в октябре 1939 г. Тогда британские политики предложили польскому министру поддержать проект послевоенной центральноевропейской федерации в составе Польши, Чехословакии и Венгрии¹⁶⁶. Результатом инициативы Великобритании стала уверенность польского руководства в британской поддержке его федеративных планов, что способствовало, по всей видимости, и налаживанию польско-чехословацких контактов.

Датский историк П. Фредериксен отмечает, что правительство Польши в эмиграции преувеличивало британскую поддержку польско-чехословацкого проекта, а этот просчет повлиял на судьбу данного проекта в целом¹⁶⁷. Представляется, что британское отношение к польско-чехословацкому проекту вряд ли можно назвать однозначным. Причиной тому были и определенные разногласия в правительстве Великобритании, которые упоминает П. Фредериксен, и трудности в налаживании польско-чехословацких отношений, когда стороны демонстрировали нежелание отойти от разногласий межвоенных лет. Кроме того, раздражение Великобритании вызывало стремление В. Сикорского играть роль лидера эмигрантских правительств – он неоднократно устраивал встречи ключевых деятелей правительств в изгнании, на которых, в частности, продвигал идею федеративного устройства послевоенной Европы¹⁶⁸.

При этом серьезным препятствием на пути разработки проекта польские политики видели нежелание британского правительства дать согласие на желаемые ими приращения Польше за счет Германии. Польские власти в контактах с правящими кругами Великобритании продвигали идею о том, что часть территории Германии представляет собой исконные славянские земли, которые по праву должны отойти

¹⁶²В беседе с полпредом СССР И.М. Майским 17 октября 1939 г. парламентский секретарь министра иностранных дел Великобритании Р. Батлер отметил, что польские власти в лице министра иностранных дел А. Залесского в ходе его визита в Великобританию поставили вопрос о получении Польшей Восточной Пруссии, т.е. уже в середине октября // ДВП. Т. XXII. 1939. Кн. 2. С. 196.

¹⁶³Frederiksen P. General Sikorski's strategi for en polsk-tjekkoslovakisk foderation 1939 – 43. [Электрон. ресурс]. Адрес доступа: www.historie-nu.dk. 15.09.2006.

¹⁶⁴Дурачиньски Э. Владислав Сикорский и Эдвард Бенеш: к чему стремились, чего достигли // Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000. С. 353 – 356.

¹⁶⁵Poland in the British Parliament. Vol. 1: March 1939 – August 1941. L., 1946. P. 448.

¹⁶⁶Дурачиньски Э. Владислав Сикорский и Эдвард Бенеш. С. 354.

¹⁶⁷Frederiksen P. General Sikorski's strategi for en polsk-tjekkoslovakisk foderation 1939 – 43. [Электрон. ресурс]. Адрес доступа: www.historie-nu.dk. 15.09.2006.

¹⁶⁸Prazmowska A. Britain and Poland, 1939 – 1943: The Betrayed Ally. Cambridge, 1995. P. 125;

Lane T. Present at the creation: East Europeans and the European movement // On-line materials of the Fifth Pan-European international relations conference, 9 – 11 September 2004, the Hague. [Электрон. ресурс]. Адрес доступа: www.sgir.org.

славянам и, прежде всего, Польше¹⁶⁹. Именно поэтому польское руководство было негласно недовольно положениями Атлантической Хартии. Так, Бюро по политическим, военным и юридическим вопросам предупреждало В. Сикорского о том, что реализация этого документа может сделать невозможным приобретение Польшей Данцига, Восточной Пруссии и Опельнской Силезии¹⁷⁰.

Однако привлекает внимание тот факт, что федеративные идеи, озвученные правительством Н. Чемберлена, были не только приняты, но и получили дальнейшее развитие в правительстве У. Черчилля. Их значение в политике Великобритании можно определить при помощи анализа эволюции федеративных идей в ходе советско-британских переговоров в процессе оформления и развития союзных отношений.

В декабре 1941 г. в ходе советско-британских переговоров о заключении союзного договора фактически состоялся первый обмен мнениями о видении сторонами послевоенной Европы. В то время как советская сторона представила достаточно детальную программу, британская делегация во главе с министром иностранных дел А. Иденом подчеркнуто демонстрировала не разработанность своего видения послевоенного устройства Европы. В этом контексте как раз и вызывает интерес упоминание А. Иденом возможности возникновения федераций в Европе¹⁷¹. Более того, он стремился заручиться поддержкой И.В. Сталина в отношении разрабатывавшегося проекта польско-чехословацкой федерации¹⁷². Это направление в дальнейшем получало все большее развитие в британской политике.

В ходе дальнейших переговоров о союзе руководство Великобритании неоднократно поднимало вопрос о федерациях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе (ЦЮВЕ), что свидетельствует о его значимости. Между тем, в тексте советско-британского союзного договора от 26 мая 1942 г., наряду с положениями о советских границах, столь нежелательными для Великобритании, исчезло и упоминание о федерациях. Однако вскоре обозначился еще один аспект британской политики, тесно связанный с тезисом о необходимости федеративного устройства ЦЮВЕ. 9 июня в ходе беседы с В.М. Молотовым по его возвращении из США А. Иден заявил, что с целью избежать особого влияния одной из великих держав в каком-либо регионе по окончании войны нежелательно в ее ходе заключать двусторонние договоры с малыми странами или их правительствами в эмиграции по поводу послевоенного устройства¹⁷³. Британский историк К. Сэйнсбери справедливо отмечает, что целью данных британских построений – как идеи о федерациях, так и вышеупомянутого положения – являлось ограничение советского влияния в ЦЮВЕ¹⁷⁴.

Между тем, в ходе развития проекта польское и чехословацкое правительства столкнулись с рядом сложностей, которые ставили под сомнение возможность его дальнейшей разработки. С самого начала остро стоял вопрос о границе двух государств, прежде всего о принадлежности Тешинской Силезии. Создание совместных органов – Координационного и вспомогательных комитетов – в целом не вызвало затруднений. Однако проекты будущего объединения, в основном выработанные к концу 1941 г., принципиально различались. Поляки делали акцент на построении достаточно тесного военно-политического союза, а чехословаки – скорее на развитии экономических аспектов объединения. Такое различие было обусловлено стремлением обеих сторон к преобладанию в будущей федерации. Так, польское правительство, которое представляло интересы более крупной и по размеру, и по количеству населения Польши, занимавшей очень уязвимое и в то же время стратегически важное положение между Германией и СССР, считало федерацию на основе военно-политического союза оптимальной моделью для обеспечения собственного доминирования. В свою очередь, правительство в эмиграции более развитой экономически Чехословакии настаивало на экономическом союзе. Не случайно стороны использовали разные термины для обозначения проекта: поляки называли его «федерацией», а чехословаки – «конфедерацией», объясняя такую практику разным значением слова «федерация» в польском и чешском языках¹⁷⁵. В результате работа над проектом приостановилась.

Однако не меньшие трудности в польско-чехословацких переговорах были связаны с разногласиями по вопросу отношения к Советскому Союзу, который появился на повестке дня вскоре после нападения Германии на СССР. Это было обусловлено различными установками польского и чехословацкого

¹⁶⁹ См., напр.: *Sprawozdanie z rozmowy p.o. ministra spraw zagranicznych Edwarda Raczyńskiego z premierem Wielkiej Brytanii Winstonem Churchillem. 8 października 1941* // *Na najwyższym szczeblu. Spotkania premierów Rzeczypospolitej Polskiej i Wielkiej Brytanii podczas II wojny światowej* / Oprac. M.K. Kaminski, J. Tebinka. Warszawa, 1999. S. 33 – 34.

¹⁷⁰ Terry S. Poland's place in Europe: General Sikorski and the origin of the Oder-Neisse Line, 1939 – 1943. Princeton, 1983. P. 106 – 107.

¹⁷¹ Английский проект соглашения. 16 декабря 1941 г. // Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941 – 1945. М., 2004. С. 34 – 35.

¹⁷² Первая беседа с А. Иденом. 16 декабря 1941 г. // Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 42.

¹⁷³ Запись беседы с Иденом. 9 июня 1942 г. // Там же. С. 316 – 317.

¹⁷⁴ Sainsbury K. Churchill and Roosevelt at war: the war they waged and the peace they hoped to make. N.Y., 1994. P. 96.

¹⁷⁵ Kolendo I.T. Działalność mieszanego Komitetu Koordynacyjnego polsko-czechosłowackiego w Londynie (1941 – 1942) // *Dzieje Najnowsze*. 1983. # 1-2. S. 207 – 213.

руководства. Э. Бенеш был убежден в том, что Советский Союз будет доминировать в послевоенной ЦЮВЕ. В связи с этим чехословацкий президент считал необходимым советское согласие на создание объединения Польши и Чехословакии. В. Сикорский склонялся к мысли, что советское государство, пусть и не будет побеждено Германией, но выйдет из войны сильно ослабленным. Как следствие, он считал ключевой поддержку западных союзников в данном вопросе.

Позиция Советского Союза по отношению к польско-чехословацкому проекту претерпела значительные изменения в рассматриваемый период. В декабре 1941 г. в ходе переговоров с А. Иденом советский лидер подчеркнул, что «не имел бы возражений против создания тех или иных государственных федераций», имея в виду регион ЦЮВЕ¹⁷⁶. Однако в начале марта 1942 г. советская сторона в лице посла при эмигрантских правительствах А. Богомолова выразила польскому руководству свое недовольство по поводу образования каких-либо объединений в Европе, особенно в Восточной, без участия Советского Союза¹⁷⁷. После заключения советско-британского договора о союзе в начале июня 1942 г. В.М. Молотов, беседуя с Э. Бенешем, подчеркнул, что «проявляется тенденция к использованию польско-чехословацкой федерации против СССР»¹⁷⁸. Результатом советского демарша явилось фактическое прекращение работы чехословацкого правительства над данным проектом. Вместе с тем СССР воздерживался от демонстрации своей позиции британскому руководству.

Однако польские власти не оставляли надежд на дальнейшую реализацию проекта федерации, несмотря на явное угасание интереса чехословацкой стороны к нему. В конце февраля 1943 г. Э. Рачиньский, занимавший пост министра иностранных дел, провозгласил в своей речи по Би-Би-Си, помимо прочего, намерение польского эмигрантского правительства создать федерацию государств в ЦЮВЕ, «от Средиземного до Черного и Балтийского морей»¹⁷⁹.

Польское руководство было весьма раздражено позицией чехословацкого правительства и прежде всего Э. Бенеша по отношению к СССР. Видный польский историк Э. Дурачиньский привлекает внимание к тому, что просоветскость чехословацкого президента сильно преувеличена¹⁸⁰. Во многом обоснованным представляется вывод историка ПНР С. Станиславской о том, что Э. Бенеш, более реалистично по сравнению с польскими властями оценивая последствия для ЦЮВЕ роста советского военного могущества, стремился к соглашению с польским эмигрантским правительством. Именно советский фактор побуждал чехословацкого президента искать пути сотрудничества с польским руководством в эмиграции¹⁸¹. Он считал проект совместной федерации бесперспективным, вероятно, по причине как советского недовольства, так и серьезных польско-чехословацких разногласий. В итоге Э. Бенеш предложил польскому правительству в период обострения польско-советских отношений заключить союзный договор. Это предложение правительство Польши в эмиграции приняло в конце марта 1943 г., правда, оно так и не было реализовано¹⁸². Однако и в данной ситуации польские эмигрантские власти продолжали рассматривать возможность реализации федеративного проекта с Чехословакией¹⁸³. Вероятно, такая позиция была во многом обусловлена политикой Великобритании.

В условиях значительно усилившегося советского влияния в антигитлеровской коалиции Великобритания с большим энтузиазмом, чем прежде, рассматривала перспективы фактически уже прекращенного польско-чехословацкого проекта. Это было связано с тем, что тезис о федерировании стран ЦЮВЕ становился важной частью разрабатываемой Форин Оффис программы принципов послевоенного урегулирования главным образом для данного региона и взаимоотношений с Советским Союзом. Показательно, что в марте, в период обострения польско-советских отношений, А. Иден интересовался у советского посла в Великобритании И.М. Майского, каково отношение советских властей к польско-чехословацкой федерации¹⁸⁴.

¹⁷⁶ Первая беседа с А. Иденом. 16 декабря 1941 г. // Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 40.

¹⁷⁷ Note on a conversation between Minister Morawski and Ambassador Bogomolov relating to the post-war organization of the States of Central-Eastern Europe. 2 March 1942 // Documents on Polish-Soviet Relations. 1939 – 1945. Vol. I. L., 1961. P. 285 – 286.

¹⁷⁸ Прием Президента Чехословацкой Республики Эдуарда Бенеша. 9 июня 1942 г. // Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 324.

¹⁷⁹ Documentation of plans and preparatios for the reorganisation of Europe. March 1943 // Archiwum Akt Nowych. Ambasada Rzeczypospolitej Polskiej w Londynie, 1919 – 1945. Sygnatura 1487. S. 4.

¹⁸⁰ Дурачиньский Э. Владислав Сикорский и Эдуард Бенеш. С. 352 – 353.

¹⁸¹ Stanisławska S. Projekty konfederacji polsko-czechosłowackiej w czasie drugiej wojny światowej // Sprawy międzynarodowe. 1963. # 4. S. 100.

¹⁸² Pismo E. Raczyńskiego do J. Masaryka w sprawie przyjęcia przez rząd polski sugestii zawarcia układu polsko-czechosłowackiego.

20.III.1943 // Korespondencja w sprawie konfederacji polsko-czechosłowackiej w latach 1940 – 1943 // Studia z najnowszych dziejów powszechnych. T.4. Warszawa, 1963. S. 302 – 303.

¹⁸³ См., напр.: Documentation of plans and preparations for the reorganisation of Europe. March 1943 // AAN. Ambasada Rzeczypospolitej w Londynie, 1919 – 1945. Sygnatura 1487. S. 1, 4.

¹⁸⁴ Anthony Eden to Sir A. Clark-Kerr: Telegram. 10 March 1943 (extracts) // The Great Powers and the Polish Question 1941 – 1945. A documentary study in Cold War origins / Ed. by A. Polonsky. L., 1976. P. 118.

В целостном виде британское руководство представило свою программу для ЦЮВЕ на рассмотрение союзников – Советского Союза и Соединенных Штатов – на Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г. Она включала следующие принципы: 1) совместная ответственность за Европу в противоположность делению на районы ответственности; 2) отказ от заключения соглашений по послевоенным вопросам с малыми странами в ходе войны; 3) общая политика главных союзников в отношении освобождаемых территорий союзных стран; 4) создание федераций в регионе для противостояния Германии¹⁸⁵.

Данная программа непосредственно затрагивала интересы СССР и, что являлось очевидным, была косвенно нацелена на ограничение его влияния в регионе. Соответственно, легко было предсказать негативную реакцию советской стороны. В связи с этим британцы рассчитывали на американскую поддержку, но ожидания не оправдались. А. Иден столкнулся с демонстративным безразличием К. Хэлла к поставленным вопросам, что, в свою очередь, «развязывало руки» советской стороне. Так, госсекретарь США только при непосредственном обсуждении польского вопроса проявил определенную заинтересованность, выразив надежду, что СССР и Польша «восстановят хорошие отношения»¹⁸⁶. Хотя советская сторона демонстрировала разное отношение к отдельным пунктам британской программы: от резкого неприятия проектов федераций в ЦВЕ, специально озвученного в ходе конференции, до согласия на обсуждение общей политики в отношении освобождаемых территорий в рамках Европейской консультативной комиссии, в целом можно констатировать, что союзники отвергли британский проект.

Таким образом, федеративные планы правительства Польши в эмиграции были новым прогрессивным элементом в польской политике, поскольку предполагали прежде всего построение весьма непростых польско-чехословацких отношений на основе тесного сотрудничества. В связи с этим представляет интерес опыт теоретической и практической разработки идеи федерации Польши и Чехословакии в годы войны, особенно на фоне реализовавшегося в конце XX в. четырехстороннего объединения – Вышеградской группы.

Безусловно, политика великих держав (главным образом Великобритании и СССР) оказывала непосредственное влияние на деятельность эмигрантских правительств. В первые годы войны международная конъюнктура благоприятствовала польско-чехословацкому проекту. Наблюдалось совпадение польских и британских интересов относительно федеративного устройства ЦЮВЕ, хотя это и не означало полной поддержки Великобританией польских замыслов, в частности, требования значительного приращения территории Польши за счет Германии. Советский Союз занимал нейтральную позицию. Однако прекращение данного проекта было обусловлено как внешними, так и внутренними причинами: невозможностью для Великобритании продвигать идею федеративного устройства ЦЮВЕ по причине падения влияния в антигитлеровской коалиции; обозначившимся в 1942 г. и в полной мере проявившимся в 1943 г. советским противодействием; неспособностью польской и чехословацкой сторон выработать компромиссную основу совместного объединения.

В.С. Рабинзон

Выборы 1946 г. в Тюрингии

В сентябре 1946 г. в советской зоне оккупации состоялись выборы в общинные представительства, позднее – в октябре прошли выборы в ландтаги (парламенты земель и провинций) и в крайстаги (районные представительства). В Тюрингии общинные выборы состоялись 8 сентября, а выборы в ландтаг и крайстаги – 20 октября. Исследование подготовки и проведения выборов является ключевым для понимания политических процессов как на уровне земли Тюрингия, так и во всей Восточной Германии.

Позицию Советской военной администрации в Германии (СВАГ) по отношению к предстоящим общинным выборам обозначили Главноначальствующий СВАГ Соколовский и член Военного совета СВАГ Ф.Е. Боков в своем циркуляре начальникам СВА в землях и руководителям управлений СВА от 19 июня 1946 г.: «Результаты выборов в советской зоне оккупации будут считаться удовлетворительны-

¹⁸⁵В Проекте повестки дня конференции, предложенном Великобританией, им отводилось 4 пункта из 11, причем 3 из них находились почти в начале списка (соответственно, 3, 4 и 5 пункты) // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941 – 1945 гг. Т.1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19 – 30 окт. 1943). М., 1984. С. 43 – 44.

¹⁸⁶Запись одиннадцатого заседания. 29 октября 1943 г. // Московская конференция министров иностранных дел. С. 235.